

обмежує, або доки не наступить еволюційно-екологічна катастрофа. Але в суперництві з іншими системами виживає та, що якнайкраще сприяє захопленню енергії і використанню її максимальних кількостей найбільш ефективним засобом" [14, с. 19].

Дійсна причина виокремлення вітального та системного начал суспільного рівня життя полягає в тому, що немає можливості повністю задовольнити потреби зростаючого народонаселення через обмеженість природних ресурсів. Такий стан може призвести до деградації біосфери, де ми живемо, і, як наслідок цього, знищення умов існування подальших генерацій людства.

Початком процесу гармонізації системного та вітального начал може стати так звана коеволуційна стратегія, розробка якої ведеться вітчизняними вченими з метою реабілітації співвідношення суспільства та біосфери. Коеволуційна стратегія припускає можливість гармонійного розвитку суспільства та природи без надання переваги одному з них, тобто необхідним вважається досліджувати характер стосунків між ними, а також розглядати, як вони впливають на практичну діяльність людини. Ця стратегія спрямована на зовсім нове розуміння природи, вона орієнтує людство на утвердження в свідомості людей нової моральності. Її метою виступає вплив на зміну пізнавальних та ціннісних орієнтацій людей, на чому зосереджуються детермінанти другої групи [15, с. 3-30].

Отже, підводячи підсумки вищезазначеного, можна сказати, що суспільне життя є не лише найвищою формою еволюції живого, але й тією ланкою, що відповідає за збереження самого феномена Життя.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Хилько М. Екологічна криза у філософсько-етичному вимірі // Філософська думка. – 2000. – № 3. – С. 24-46.
2. Громкова М. Т. Гармонизация педагогических процессов в образовании взрослых на пороге XXI века // Развитие дополнительного педагогического образования в России: проблемы и перспективы. Материалы юбилейной научно-практической конференции. – 1998. – 288 с.
3. Універсальний словник-енциклопедія / Гол. ред. чл. -кор. НАНУ М. Попович. – К.: "Тризна", 1999. – 1551 с.
4. Социология. Наука об обществе. Учебное пособие / Под общ. ред. проф. В.П. Андрущенко, проф. Н.И. Горлача. – Харьков: Институт востоковедения и международных отношений. Харьковский колледж. Кафедра истории, философии и политических наук, 1996. – 688 с.
5. Семенов Ю. И. На заре человеческой истории. – М.: Мысль, 1989. – 319 с.
6. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1979. – 1600 с.
7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. і Энгельс Ф. Твори: В 30 т.– К.: Політвидав УРСР, 1965. – Т. 20. – 775 с.
8. Ковалевский М.М. Современные социологии. – СПб, 1905.
9. Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения: В 5 т. – М.: Соцэкгиз, 1956. – Т. 2. – 789 с.
10. Босенко А.В. Реквием по нерожденной красоте. – К.: "Самватас", 1992. – 256 с.
11. Наумкина Е.А. Проблема коэволюции общества и природы // Проблемы социальной философии: Зб. научных статей / Ред.: В.О. Цикін, Ю.П. Тарелкін. – Суми: ВВП "Мрія-1" ЛТД, 1997. – 124 с.
12. Кисельов М. Гуманістичні засади сучасної екології // Філософська думка. – 2000. – № 3. – С. 4-23.
13. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни / Сост., вступ. ст., коммент. М.С. Бастрковой, И.И. Мочалова, В.С. Неаполитанской. – М.: Сов. Россия, 1989. – 704 с.
14. Алексеенко И. Р., Кейсевич Л. В. Последняя цивилизация? Человек. Общество. Природа. – К.: Наукова думка, 1997. – 417 с.
15. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 351 с.

ВОЛОВА Л. А.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО-УКРАИНСКИ:
ВОЗМОЖНОСТЬ НОВОГО СТАРТА**

Результаты всеукраинского репрезентативного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Украины, позволяют сделать вывод о том, что тенденция резкой утраты национальной идентичности, заявившая о себе на всем постсоветском пространстве после распада Союза, в отношении народа Украины не только приостановилась, но даже имеет шансы развернуться в обратном направлении. На вопрос «Кем Вы себя, прежде всего, считаете?» 32% респондентов ответили «Жителем села, района или города, в котором живете», 5% – «Жителем региона, в котором живете», 41% – «Гражданином Украины», 2,5% – «Представителем своего этноса, нации», 13% – «Гражданином бывшего СССР», 0,5% – «Гражданином Европы», 4% – «Гражданином мира», 2% опрошенных выбрали «другое» [1, с. 1].

То есть, большая часть наших соотечественников (59%), формально являясь гражданами государства Украина, субъективно себя таковыми не считают. Однако, комментируя данные этого опроса, замдиректора Института социологии НАН Украины Е. Головаха отметил «небольшой позитивный сдвиг» в общественном сознании, связанный с улучшением экономической ситуации в стране. Этот сдвиг выражается в том, что по уровню национальной идентичности украинцы практически вернулись к... 1992 году, первому году независимости, когда 45% украинцев идентифицировали себя именно как граждане Украины. Еще в 2001-м этот показатель не смог подняться выше 34%. 7% «прироста» национальной идентичности – много это или мало? Существенных изменений в массовом сознании, способных обеспечить интеграцию народа, мобилизовать его на значительные экономические преобразования в стране, он за собой не повлечет. Однако, эта цифра уже позволяет нам говорить о формировании новой тенденции.

Итак, с одной стороны, мы снова на старте, на уровне 1992 года. Начнем сначала, учтя ошибки? В любом случае, это будет уже совершенно новый старт, в новых условиях – экономических, политических, социально-психологических и пр. Увы, во многих отношениях эти условия лучше не стали.

Нужно добавить при этом, что всякая попытка осмысления данной проблематики изрядно драматизируется параллелями с направленностью и характером протекания аналогичных процессов в России. Процессы эти в чем-то подобны, в чем-то различны, но скорость их протекания в России однозначно выше, а потому параллели эти имеют для Украины очевидную практическую ценность. Впрочем, переложить российские социотехнологии на украинскую почву представляется затруднительным, сколь бы ни привлекательными были показатели роста национальной идентичности россиян, 90% (!) которых идентифицируют себя сегодня именно как россияне, то есть соотносят себя, прежде всего, с нацией, страной, государством (нужно оговориться, что в контексте проблематики данной статьи не затрагиваются обратные концепции, близкие по духу к идее З. Бжезинского о том, что Россию в скором будущем сменит конгломерат карликовых полусамостоятельных сателлитных государств).

Основные аргументы в пользу невозможности украинизации российского социотехнологического опыта звучат в комментариях специалистов к данным соцопроса, с которых мы и начали данную статью. Если обобщить комментарии А. Гуцала, первого заместителя директора Национального института проблем международной безопасности, обозначатся два критерия: *уровень пассионарной энергетики* и *потенциал консолидационного ресурса нации*, которые взаимосвязаны между собой, поскольку всплески пассионарной энергии характерны для тех исторических периодов, когда возникает угроза целостности нации и перед лицом этой угрозы происходит мобилизация консолидационных ресурсов народа [1, с. 4].

Текущий уровень российской пассионарности высок и интенсивно формируется вокруг образа президента Путина. Вторым ее центростремительным символом является идея сильного российского государства. Заметим, что и героика советских мифов относительно благополучно пережила перестроечный «кризис идентичности» и сегодня продолжает эффективно служить идеологически важному делу воспитания великорусского государственного патриотизма. В Украине не наблюдается ни одного, ни другого, ни третьего. Посему массовое сознание вынуждено было обратиться к древним традициям территориальной идентификации вокруг «малой родины» – села, района, города, что и демонстрируют результаты соответствующих социсследований.

В продолжение данного компаративного анализа напрашивается еще один критерий – *преимственность социальных технологий*. Российская модель идентификации и, соответственно, консолидации общества сейчас, по сути, продолжает советскую, строится все на тех же двух

китах, эффективность которых была испытана неоднократно как в царской, так и в советской России: с одной стороны, идея сильного государства, с другой – харизма его главы.

Бывшие советские республики оказались в жестких условиях прерванной преемственности. Они отвергли тоталитарную модель консолидации и встали перед необходимостью построения новой – демократической. Востребование существовавших в культурах этносов демократических традиций, за многие годы ослабленных тоталитарным режимом, предполагает значительную трансформацию структуры общественного сознания, утверждение в обществе соответствующей системы ценностей и, неизбежно, новой идеологии. Украина оказалась неготовой к решению такого рода задач. Она низвергла стройную систему советской социальной мифологии, не подготовив достойной замены (потенциал этнофольклорного наследия и казацкой героики не справился с задачей национальной консолидации, его масштаба достаточно для этнической группы, но не для этносоциальной, коей является нация).

Везде не заставило себя долго ждать: в стране наступил аксиологический голод, следствием которого явился и кризис идентичности. Крушение советских героических мифов (начиная с разоблачений образов Павлика Морозова, «молодогвардейцев» и заканчивая отрицанием значимости победы советского народа во Второй мировой войне) привело к широкому распространению в обществе антипатриотических и анархических настроений, к разочарованию в демократических идеалах (которые, правда, украинцам довелось познать разве что в облике «дикого демократизма») и усилению тоски по тоталитаристски сильной, но действенной власти. Нашествие массовой культуры со стороны развитых стран окончательно деморализовало общественное сознание. Уровень теоретического мышления резко упал. Сознательный выбор идентичности в таких условиях невозможен, но нет почвы благоприятнее для всякого рода манипуляций массовым сознанием.

При этом необходимо заметить, что и массовое ослабление государственного патриотизма, и аморфность национальной идеи, и ценностная девальвация самым непосредственным образом связаны с затянувшимся отсутствием единой государственной идеологии, способной сформулировать новую интегрирующую национальную идею, сконструировать систему символов и ценностей, оптимизировать процессы коммуникативной фильтрации объективной действительности [2, с. 82], восстановить преемственность между традиционными моделями идентификации и современными консолидационными процессами и таким образом реструктуризировать массовое сознание, вернуть ему определенность и способность противостоять разрушительным концентрическим влияниям надвигающейся информационной цивилизации.

Однако задачу формирования государственной идеологии усложняют и тормозят некоторые специфические особенности, характеризующие трансформационные процессы в социально-экономической системе, культуре и мировоззренческо-идеологических ориентациях в Украине. В.А. Таран выделяет в этом контексте семь наиболее существенных моментов [3, с. 16 – 18]:

1. Украина начала подключаться к ценностям западного индустриального мира в период их трансформации, переходного процесса, то есть мы фактически привлекаемся к разрушающимся ценностям и, таким образом, становимся наследниками не полноценных, а деформированных ценностей.

2. Переход к новому, государственному состоянию в украинском обществе произошел неожиданно, без предварительной подготовки, как следствие распада Советского Союза. Поэтому переходный этап в Украине начался в условиях неопределенных политических, социоэкономических, социокультурных и идеологических ориентиров, которые и сегодня находятся в стадии своего формирования.

3. Юридически провозглашенная как независимое суверенное государство Украина фактически не имеет установившейся и развитой исторической традиции государственности.

4. Украина как национальное государство реально таковым еще не является, она пребывает лишь на пути к фактическому формированию своей национально-культурной общности – украинской нации.

5. Сложное геополитическое, социокультурное, конфессиональное положение Украины как государства, которое занимает промежуточное место между Востоком (Россия) и Западом, между Югом (Турция, Балканы) и Севером (Балтийско-Скандинавский регион), является

причиной пересечения разных по своим культурно-ценностным ориентациям политических, этнических, религиозных влияний.

6. Отсутствие четкого определения перспектив будущего.

7. Существование жесткого целенаправленного идеологического прессинга на общественное сознание граждан Украины как со стороны, прежде всего, российских средств массовой информации и определенных научных кругов, так и со стороны некоторых соответствующе ориентированных внутренних политических сил, содержанием которого является идея случайности, исторической неподготовленности и нецелесообразности развития украинской государственности.

А. Ермолаев, директор Центра социальных исследований «София», в частности, утверждает, что для массового сознания украинского общества более характерен *«гражданский анархизм»* (социально-психологический феномен, связанный с «неприятием государства как договорной системы взаимоотношений»), нежели государственный патриотизм: «... пересічний українець не здатен виробляти на рівні практики – духовної, ставленнєвої – феномен політичної єдності. Психологічна, ментальна єдність – присутня. А ось державницька єдність як приналежність до політичної нації, що створила державу, на жаль, у нас на 10–15-му місці. Тому на рівні державної політики ми весь час вимушені ставити питання про певне покращання державного іміджу» [1, с. 4]. А имидж государства, опять-таки, неразрывно связан с его ведущей идеологией, эффективно консолидирующей другие, «локальные» идеологии, функционирующие в обществе. В условиях же отсутствия в обществе ведущей идеологии, сформулированной на государственном уровне, «локальные» идеологии атомизируют, разобщают массовое сознание, подключая региональные, этнические, религиозные, политические и прочие субкультурные «факторы разъединения».

Однако в последнее время в украинском общественном сознании происходят небольшие, но позитивные сдвиги, которые, возможно, сигнализируют о формировании новых и долгожданных тенденций в его развитии. Данные некоторых социологических исследований могут пошатнуть категоричные выводы А. Ермолаева, А. Гуцала и других скептически настроенных исследователей феномена украинства. По данным всеукраинского опроса, результаты которого были обнародованы в ноябре 2003 года, среди символов Украины, которые наиболее ярко репрезентируют наше государство, украинцы называют, в первую очередь, собственно государственные символы (10%) [4]. Да, харизматической личности национального уровня массовое сознание не выделяет (деятели культуры, политики, спорта фигурируют среди символов, репрезентирующих украинскую культуру, всего лишь у 3, 7% респондентов), но выход на первый план государственной символики чрезвычайно показателен и отраден. На наш взгляд, в этих 10% отражается непровольная тоска массового сознания по интегрирующей национальной идее. Какой именно? Идее сильного украинского государства? Европеизации? Демократизации? Не стоит гадать. Она еще не вымолвлена, не озвучена, не обрела форму, не сформулирована. Но потребность в ней уже вызрела. Однако на завладение этой формой претендует слишком много разных смыслов, в том числе весьма небезопасных, чтобы можно было умиротворенно ожидать естественного вызревания консолидирующей идеи. Увы, мы живем в беспокойную эпоху концентрических войн.

Феномен концентрического оружия имеет самое непосредственное отношение к современному украинскому обществу. Между тем, в России философы и социологи уже во второй половине 90-х годов прошлого века били тревогу по этому поводу, активно работая над поиском защитных механизмов сознания в условиях концентрических войн, уже в 1998 г. состоялся научный семинар «Концентрическое оружие». Эти термины – «концентрическое оружие» и «концентрическая война» – в научный обиход ввел Ю. В. Громыко, доктор психологических наук, президент Московской академии развития образования, ректор Столичного методологического университета, специализирующийся в области теории сознания. Российские ученые вкладывают в понятие **концентрического оружия** следующее содержание: «это такая технология работы с сознанием (по лат. – *conscientia*), – которая нацелена на поражение и уничтожение определенных форм и структур сознания, а также некоторых режимов его функционирования» [5, с. 14]. Наиболее эффективным концентрическим оружием в Новейшее время стали СМИ, а основные результаты его воздействия сводятся к понижению общего уровня сознания людей, разрушению традиционных механизмов самоидентификации, уничтожению способности ставить глобальные и стратегические цели.

Ю. Громыко выделяет пять основных способов поражения и разрушения сознания в концентриальной борьбе [6]:

1) поражение нейро-мозгового субстрата, снижающее уровень функционирования сознания; может происходить на основе действия химических веществ, длительного отравления воздухом, пищи, направленных радиационных воздействий;

2) понижение уровня организации информационно-коммуникативной среды на основе ее дезинтеграции и примитивизации, в которой функционирует и "живет" сознание;

3) оккультное воздействие на организацию сознания на основе направленной передачи мыслеформ субъекту поражения;

4) специальная организация и распространение по каналам коммуникации образов и текстов, которые разрушают работу сознания (условно может быть обозначено как психотропное оружие);

5) разрушение способов и форм идентификации личности по отношению к фиксированным общностям, приводящее к смене форм самоопределения и к деперсонализации.

Самым опасным, с точки зрения автора классификации, является пятый тип, поскольку мы живем в ситуации его постоянного и тотального воздействия: «Прежде всего, этот тип воздействий по смене и преобразованию типов имидж-идентификаций (глубинного отождествления с той или иной позицией, представленной конкретным образом) и аутентизаций (чувства личной подлинности) осуществляют средства массовой информации, и прежде всего, телевидение» [6].

Термин «идентификация» восходит к латыни: *idem* – «тот же самый», *facere* – «делать» [7, 169]. Это уподобление, отождествление, которое предполагает последующее делание, деяние, поступок, то есть сознательную поведенческую активность. Однако воздействие *mass-media* разрушает деятельностный характер процессов идентификации. Мало того, что одновременная включенность индивида в несколько групп (семья, производственный коллектив, религиозная конфессия и пр.) помещает его одновременно в несколько ценностных матриц, дезорганизующих аксиологическую структуру его сознания [2, с. 82]. Поглощая поток разнородных «идолов» и сконструированных средствами массовых коммуникаций мифологем, система массового сознания распадается, лишается своей целостности, способности самостоятельного осуществления коммуникативной фильтрации объективной действительности и, по сути, ресамоидентификации. Потребитель информационного продукта, по сути, перестает быть субъектом действия, поскольку теряет способность к проектному мышлению, к целеполаганию и стратегированию, становится марионеткой – «пушечным мясом» в концентриальных войнах.

Разветвленная система современных СМИ многообразием своим обязана развитию демократии, однако обратной стороной свободы слова стала свобода манипуляции массовым сознанием, от десятилетия к десятилетию усиливаемая пропорционально научно-техническим успехам человечества. Она не явилась порождением Новейшего времени. Эти стороны медали в разной мере свойственны для СМИ любой предшествующей исторической эпохи. По Олвину Гоффлеру, человечество за свою историю породило три типа *mass-media* [8], каждый из которых функционирует до сих пор:

1. В период аграрных обществ сформировалось первое коммуникационное средство – толпа, эфемерная совокупность обезличенных в ней человеческих индивидов. Обращение к толпе было единственным способом отправки сообщения массовой аудитории. В качестве первого *mass-media* толпа и сама инициировала и транслировала сообщения.

2. Вторым дотехнологическим *mass-media* явились религиозные организации. Средневековая католическая церковь длительное время была универсальным СМИ, эффективно транслирующим необходимую ей информацию на всей политически раздробленной территории Западной Европы.

3. Промышленный переворот, приведя к массовому производству унифицированной продукции, потребовал большого количества однородной рабочей силы и, соответственно, не менее массового производства столь же унифицированной информации. Печатные и электронные СМИ, действительно, способны донести одно и то же сообщение миллионам.

И, наконец, на наших глазах индустрия постмассовой продукции отшатнулась от унифицированного производства и принялась увлеченно дифференцировать продукты и их имиджи, интенсивно отстраиваясь от конкурентов и пытаясь манипулировать сознанием целевой аудитории. Чем более узко сегментирован потребитель, тем целенаправленнее пиар и тем

эффективнее работает транслируемая информация. Таким образом, сегодня мы можем наблюдать в странах с развитой экономикой обратные процессы, когда гибкое производство постоянно верифицируемой продукции потребовало неоднородной, зачастую узкоспециализированной рабочей силы и «демассинформации» как ключевой характеристики новой масс-медиа-системы.

Таким образом, общественное сознание сегодня одновременно подпадает под весьма разнородные влияния. В частности, с одной стороны, на него в традиционном интеграционном направлении воздействуют религиозные организации разных конфессий, в то время как, с другой стороны, большое количество СМИ локализовано «возделывают» заданные целевые аудитории. Сравнение потребителя информационного продукта с «пушечным мясом» концентриальных войн становится все более актуальным.

В анализе этой проблемы есть много иных аспектов, не затронутых в данной статье. В России, несмотря на отмеченные позитивные тенденции, тем не менее, продолжается «кризис идентичности». И, наоборот, в отечественном общественном сознании имеют место и положительные тенденции. Однако не стоит и преуменьшать опасность, которую влечет за собой разворачивающаяся информационная цивилизация.

При этом угроза разрушения механизмов идентификации значительно актуальнее именно для дезинтегрированного украинского сознания. К сожалению, ни отечественная наука, ни политическая элита в должной мере не обеспокоены разработкой стратегии и тактики противостояния разрушительным концентриальным воздействиям. В отличие от северного соседа, украинская нация на сегодняшний день гораздо более далека от успешного преодоления «кризиса идентичности». При этом необходима разработка собственного стратегирования: пересадка российского опыта грозит крахом очередного старта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Яку країну ми обираємо? // День: Щоденна всеукраїнська газета. – № 72(1810). – 2004. – 22 квітня.
2. Волова Л. Современные тенденции в развитии общественного сознания // Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрящини. – 2004. – Вип. 12. – С. 80-84.
3. Таран В.О. Идеология переходного общества (Соціально-філософський аналіз ідеологічного процесу в пострадянській Україні): Монографія. – Запоріжжя: ЗІОІ МВС України, 2000. – 316 с.
4. Молодежная газета ЛКСМУ. – № 11 (71). – Ноябрь 2003.
5. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2003. – № 12. – С. 3-52.
6. [WWW document] URL <http://www.dataforce.ru/~metuniv/consor/grom0.htm>
7. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 576 с.
8. Тоффлер О. Эра смещения власти [WWW document]. URL <http://www.dataforce.ru/~metuniv/consor/POWER1.html>.

УТЮЖ И. Г.

ПОНЯТИЕ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Актуальность исследования философии образовательной политики не вызывает сомнения, и это обусловлено потребностями современного общественного развития и развития образования. Неисследованность этой области – симптом исторического периода, в который мы живём. И нам придётся объяснить, как этот симптом возник. Усовершенствование образования и образовательной политики в мире в целом и в Украине в частности способствовало появлению множества публикаций на данную тему. Это, например, разработки В.П. Андрущенко по проблеме модернизации образовательной политики в Украине, статьи И.С. Добронравова, касающиеся синергетики, как основы современных мировоззренческих ориентаций в образовании, работы А.В. Перцева, А.Ж. Кусжанова также посвящены проблемам формирования образовательной политики в государстве. Таким образом, мы видим, что данные исследования направлены на